

ИЗЛИШКИ, ПОДЛЕЖАЩИЕ УНИЧТОЖЕНИЮ: ЗАМЕТКИ ОБ ОТХОДАХ, ОЛЕНЯХ И БИОПОЛИТИКЕ. *Резюме*

Хуго Рейнерт

В статье предпринята попытка переключить внимание исследователей с вопросов переработки отходов, территориального урегулирования экологических вопросов и дискурсивного конструирования отходов, в первую очередь, на морально-этический аспект производства отходов. В данном случае – на превращение живых существ в объекты, не имеющие ценности и подлежащие утилизации. Работа базируется на этнографических полевых исследованиях, которые проводятся автором среди оленеводов норвежского Заполярья с 2003 года.

УТИЛИЗАЦИЯ ЧАСТЕЙ

С исторической точки зрения органические излишки на оленебойнях в Норвегии начали появляться недавно: в послевоенной системе промышленного производства они отчетливо представляют собой современную форму отходов. До недавнего времени просторы тундры становились последним пристанищем мертвых оленей – как умерших естественным образом, от несчастного случая или от болезней, так и убитых хищниками или же забитых хозяевами-олeneводцами (обычно забивали «вручную» несколько особей). После забоя оленей оставалось сравнительно немного отходов: у саамов, как и у других скотоводческих обществ, при традиционном забое находилось применение каждой части туши животного. Например, из высушенных сухожилий плелись веревки, а мозг разминался в кашу и использовался для пропитки кожи. Специфика использования различных частей оленьей туши могла быть различной в разных местах, в разные временные периоды и в конкретных животноводческих группах, обладающих индивидуальными потребностями, навыками и возможностями. В свое время подобные практики производства сырья (из отходов) связывались с относительным дефицитом ресурсов в Арктике, они способствовали сохранению продуктивных животных в стаде. Сейчас многие способы использования отходов, остающихся после разделки туш оленей, вышли из обихода. Более выгодные новые технологии забоя скота сделали традиционные способы производства и утилизации непрактичными и дорогими. Внедрение производственных линий на скотобойнях значительно ограничило доступ пастухов к тушам своих собственных оленей. Большинство оленей, забиваемых для нужд сегодня

няшнего рынка, с животноводческих ферм транспортируются на крупные заводы, там туши обрабатываются сторонними операторами.

Максимальное использование всех частей туши после забоя, принятое в традиционном оленеводстве, сходно со стратегией мясной промышленности, которая добивается оптимизации полезной ценности каждой перерабатываемой туши, производства максимального количества сырья и превращения его в товар. Логика капитализма, ориентированная на оптимальную прибыль как результат сочетания максимального дохода и минимальных расходов, целиком оправдывает подобный подход. Каждый продукт, который можно извлечь из туши, увеличивает ее прибыльность. Потенциальная прибыль в первую очередь должна быть сопоставлена с расходами по выращиванию, забою и разделке животного. Согласно этим расчетам, тщательно спроектированная техника на первых промышленных скотобойнях точно определяла время, затраты энергии, необходимые для производства, и количество участвующих единиц – мертвых и живых, людей и оленей – параметры, которые обеспечили бы увеличение прибыли и эффективную утилизацию отходов. В данном контексте понятие «отходы» обозначает лишь математический показатель извлечения полезной ценности, обусловленный эффективностью, точностью и четкостью работы оператора. То есть отходы здесь представляют собой шлаковый продукт, выведенный из производственного процесса в тот момент, когда его промышленная переработка перестает быть прибыльной. В такой формулировке отходы – это материальное выражение показателей рентабельности. Важно, что этот показатель подвижен и обусловлен следующими факторами: изобретательностью и умениями промышленников, структурой конкретного предприятия, сетями и каналами сбыта продукта. Ненужные олени желудки могут быть, например, направлены в Данию для продажи в качестве корма для животных (и принести небольшой доход) или на специализированный завод по утилизации органических отходов (и привести к расходам). Выбор зависит от того, обладает ли начальник предприятия связями, контактами, возможностью и средствами реализации потенциальной ценности, которой обладают разные части туши. Таким образом, промышленная организация забоя формулирует понятие отходов как остатков сырья, не имеющих ни «полезности», ни прибыльности. Именно эти качества определяют, как именно будет проведена граница: что в мертвом теле можно воспринимать как «отходы», а что является потенциальным товаром.

Соответственно, здесь работают две похожие логические схемы. С одной стороны, это капиталистическая организация труда, цель которой – оптимизация обработки сырья: максимизация дохода и минимизация стоимости утилизации отходов. С другой стороны, здесь присутствует характер традиционной организации забоя, когда грамотной и «изобретательной» утилизации способствовала необходимость оставить как можно больше животных в стаде. В обоих случаях подразумевается, что требующие определенного навыка практики служат для минимизации бесполезных «остатков». В двух следующих разделах я расскажу о том, как отходы выполняют функцию связующего звена в отношениях между людьми и животными.

МЕХАНИЗМ НАНЕСЕНИЯ УЩЕРБА

На конференции «Саамские ценности в свете христианской веры», состоявшейся в Тромсе в 2004 году, священник из муниципального округа Тана (восточная часть области Финнмарк) прочел лекцию, в которой продемонстрировал материалы интервью с пастухами среднего и пожилого возраста из основных скотоводческих областей внутреннего Финнмарка. Все информанты рассказывали об одном обычае – *rusestit áksána* (вырезании креста на черепе оленя). После забоя животного и отрезания рогов следовало взять маленький участок кости черепа, к которому присоединялись рога, отскрести мозговое вещество и вырезать крест на внутренней стороне, под рогами. Информанты дали три основных интерпретации этой практики, связанные с благословением, благодарением и перерождением. Подобные обычаи указывают на модальность утилизации отходов, включающую практики предотвращения или нейтрализации определенных видов оскорблений, наносимых как людям, так и животным. Модальность же промышленного забоя предполагает, что ненужные останки – кости, внутренние органы, головы, обрезки мяса – несут в себе потенциальную опасность совершенно другого рода. В первую очередь они наносят ущерб здоровью человека, но также представляют угрозу и для окружающей среды, ландшафта, а следовательно – для туризма, экономики и даже климата (при разложении выделяются парниковые газы).

Вышеописанные модальности обращения с отходами – назовем их «традиционной» и «индустриальной» – по-разному ориентированы во времени: первая – на возможные последствия в будущем, вторая же в каком-то смысле согласована с самим актом утилизации, имевшим место в прошлом. Она взаимодействует с мертвым животным, «донором» мяса, в контексте продолжающихся отношений между потребителем и потребляемым: эти отношения не обязательно прекращаются со смертью одного из участников процесса. В рамках индустриальной модальности как нерациональная утилизация, так и переработка, связанная с изготовлением из туш бесполезных или ненужных материалов, представляют угрозу для оленей и вообще животных – как в смысле физического уничтожения, так и в смысле моральных аспектов обращения людей с другими биологическими видами. Традиционный способ утилизации проблематизирует нравственную сторону процесса производства отходов. Промышленный способ, напротив, уже *начинается* с факта существования отбросов, главным при таком подходе становится вопрос, как от них избавиться. Здесь проблема состоит в том, что делать с отходами, а не в том, как избежать их появления, как сделать так, чтобы отходов (в специальном смысле этого слова) не было вообще. Чтобы уменьшить риск возможного ущерба, все органические останки, не использованные надлежащим образом, подлежат утилизации как отходы. Получается, что граница между товаром и отходами подвижна, но в то же время она является безусловной.

И традиционная, и индустриальная модальности, таким образом, фокусируются на угрозах, исходящих от останков, и на стратегиях обращения с побочными материалами оленеводства, хотя риски обращения с останками в каждой из этих модальностей радикально различаются между собой. Ни в одной из модальностей останки не воспринимаются как подлежащие свободной утилизации, однако

отличаются механизмы, описывающие последствия неправильной утилизации: причины, способы, последствия, распределение и масштаб потенциального ущерба от процесса уничтожения отходов. Таким образом, можно сказать, что промышленная утилизация конструирует *гигиеническо-материалистическую* модель ущерба, сосредоточенную на систематическом ограничении возможных угроз, исходящих от опасного материала, путем сдерживания их распространения, уничтожения и удаления из поля зрения. Традиционная утилизация кроме этого имеет дело и с социальными, моральными и онтологическими рисками, возникающими в процессе превращения живого существа в мясо, а внутренностей его – в сырье для изготовления каких-либо продуктов. Традиционная модель может быть истолкована или как *некромантическая* (*necromantic*) – потому, что в ней учитываются мертвые (они присутствуют при акте утилизации и могут пострадать от действий живых), или как *межвидовая* (*cross-species relational*) в том смысле, что она персонифицирует значимые существа, не относящиеся к биологическому виду людей, и наделяет их способностью (или признает их способность) страдать от ущерба, несводимого к физиологическому воздействию. В этом свете производство и обработка отходов, остающихся от туш оленей, влекут за собой фундаментальные для этого общества вопросы, касающиеся того, что может нанести вред оленям, форм их существования.

УТИЛИЗАЦИЯ НА УРОВНЕ ПОПУЛЯЦИЙ

Олени – мигрирующие животные, а их пастухи – кочевники. С исторической точки зрения именно особенность номадического образа жизни сделала оленеводство проблемой для государства. С тех пор, как в XIX веке возникла граница между Финляндией и Россией, в Норвегии существует статистический дискурс, согласно которому на северных территориях наблюдается «избыток» оленей. С течением времени данные статистики изменялись, однако основная установка – «оленей слишком много» – была прежней и стала со временем основным тезисом дискурса об управлении в сфере оленеводства. Доминирование этого дискурса привело к тому, что главным вопросом норвежского оленеводства считается постоянный избыток: техническая проблема, требующая технических решений, принимаемых постоянно и в срочном порядке. Административные действия, направленные на стабилизацию и уменьшение популяции оленей, осуществляются и ныне, в зависимости от колебаний «общей популяции» меняется лишь их интенсивность. Устойчивый избыток как нерешенная проблема создает атмосферу долгосрочной критической ситуации, схожую с режимом чрезвычайного положения. Так, может временно приостанавливаться действие общепринятых правил, регулирующих применение силы со стороны государства. Призывы к «нормализации» численности оленей нередко сопровождаются вмешательством полицейских или военных и введением «принудительного забоя» или «массовой выбраковки» животных.

Одна из трудностей заключается в том, что оптимальный размер стада – величина непостоянная, изменяющаяся в зависимости от множества взаимосвязанных переменных (таких как погода, условия выпаса, изменения в составе семьи, до-

ступность наемного труда, рыночные условия, наличие дополнительных или альтернативных возможностей трудоустройства и т.д.). Таким образом, стабилизация популяции оленей на уровне фиксированного «оптимального числа» особей требует контроля над социальным, физическим и экономическим аспектами скотоводства. В арктических условиях качественное осуществление такого контроля маловероятно. В контексте открытого конфликта по поводу землевладения дискуссии «избыточного» количества особей служат в том числе для того, чтобы признать скотоводческие практики (а значит и связанные с ними притязания на землю) нелегитимными. Другая проблема состоит в том, что количество оленей здесь является технической проблемой, требующей технических решений, как правило, заключающихся в физическом сокращении численности животных. С точки зрения регулирования, «общее» количество оленей в популяции предстает в форме совокупности, внутри которой проводится граница, отделяющая особей, которые останутся жить, от тех, которые будут уничтожены. Подобные расчеты, вероятно, являются квинтэссенцией современной биополитики в отношении животных. Основным объектом ее воздействия является общая численность вида. Отдельные же животные рассматриваются государством как единицы, составляющие общую массу, подчиненные этой массе и легко устранимые. В этой модальности биополитики отражаются иерархические отношения между популяцией как целым и частями целого, которыми можно пожертвовать. В некотором смысле эти отношения можно соотнести с воображаемыми отношениями между организмом и отдельными клетками, при которых взаимозаменяемые, равноценные и анонимные части могут уничтожаться для гарантии сохранения и безопасности целого. Это исключает вопрос о том, являются ли отдельные олени существами, которые *могут быть* уничтожены с целью оптимизации целого – не говоря уже о такой постановке вопроса, как «*должны ли* они уничтожаться для достижения такой цели?» Возможно, биополитика легитимизирует деструктивные вмешательства, но она необязательно делает их осуществимыми: распорядиться не означает выполнить.

Пастухи, с которыми я работал, в большинстве своем смеялись над угрозой отстрела животных и отпускали шутки про танки, выезжающие из тундры и «уничтожающие» оленей в стаде. Даже если бы эти танки в самом деле появились, как бы они смогли найти пастухов и их оленей в тундре? С точки зрения пастухов Крайнего Севера заявления городской политической элиты с юга выглядят забавными и очевидно абсурдными. Пастухи спрашивали, как именно и кто конкретно осуществлял бы отстрел, если бы сами они отказались от сотрудничества. Таким образом пастухи выводят на передний план дефицит материальных ресурсов государственной власти и, значит, сомнительное содержание ее угроз. Неудачи государственной политики в области оленеводства в последние десятилетия, как и бравада со стороны скотовладельцев, наглядно демонстрируют, что не существует простого, прямолинейного способа переключения между «общим числом» особей, определяющим часть оленей как «подлежащих уничтожению», и определением индивидуальных особей в отдельных стадах как «подлежащих уничтожению». С этой точки зрения учет убитых животных и популяции в целом осуществляется

на основе абстрактной модели, не имеющей представления ни о принципах оленеводческой политэкономии, ни о самом оленеводстве.

УЩЕРБ, НАНОСИМЫЙ ОТХОДАМИ: ЗАКЛЮЧЕНИЕ И НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

В третьей части работы кратко описаны две модели, по-разному конструирующие ущерб от отходов, остающихся после разделки туш оленей. Первый – *гигиеническо-материалистический* взгляд, согласно которому опасность представляет собой регулярное производство органических промышленных отходов. Второй – *некромантический* взгляд базируется на традиционных аксиомах и принимает во внимание потенциальную угрозу социального или intersubъективного ущерба, возникающую при превращении живых существ в инертное сырье: в первую очередь, речь идет о контроле над оскорбительными действиями по отношению к мертвым, но также принимаются во внимание определенные виды опасностей, которые могут коснуться нарушителя природного порядка в результате акта оскорбления.

В заключении работы высказывается предположение, что между этими подходами можно установить связь при помощи концепции «подлежания утилизации» (*disposability*) – понятия, совмещающего необходимость совладания с отходами и собственно процесс утилизации. Сущность, подлежащая утилизации, одновременно обладает свойствами доступности (для потребления или переработки), бесполезности (одноразовость, отбракованность) и зависимости от чьего-то распоряжения, определяющего условия ее существования, ее жизнь и смерть. Обращение с человеческими останками как с материалом, подлежащим свободной утилизации, является посмертным оскорблением для социальной личности, для связей и потенциалов, продолжающих определять социальное существование умершего после его смерти. Подобное отношение к останкам оленей существует и в рамках «традиционных» практик утилизации. Концепция «подлежания утилизации», возможно, откроет новые пути исследования взаимоотношений между понятиями жизни и власти, а также исследования трансформации обоих понятий, на разных уровнях, у разных биологических видов.

Перевод с английского Аси Воронковой